

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Ш29

Maxime Chattam
L'AME DU MAL

Серия «Короли французского триллера»
Публикуется с разрешения Lester Literary Agency

Перевод с французского *Максима Петрова*
Оформление обложки *Александра Воробьева*

Шаттам, Максим.
Ш29 Душа зла: [роман] / Максим Шаттам; — [перевод с французского Максима Петрова]. — Москва: Издательство АСТ, 2022. — 416 с. — (Короли французского триллера).

ISBN 978-5-17-127490-0

Он очень старался расположить их к себе, заманивая в ловушку, но его глаза оставались ледяными. Ему нравилось наблюдать за жертвой, дрожащей, почти сходящей с ума от ужаса. Опасный психопат, он убивал женщин с изощренной жестокостью.

Но однажды полицейскому Джошуа Бролену удалось уничтожить маньяка, и город ненадолго вздохнул с облегчением. Спустя год вновь обнаружен обезображенный женский труп. Тот же почерк, то же гнетущее ощущение страха и бессилия. Неужели убийца восстал из мертвых? Бролен и единственная выжившая жертва маньяка пытаются прервать череду смертей, но можно ли остановить того, кто сам является порождением ада?

Роман «Душа зла» открывает цикл «Трилогия зла» Максима Шаттама.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Éditions Michel Lafon, 2002
© Петров М., перевод, 2021
© Чекмезова А., перевод Данте, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

ISBN 978-5-17-127490-0

Реальность превосходит любой художественный вымысел.

Эта мысль, правдивая на все сто, преследовала меня в течение двух лет, которые понадобились, чтобы написать этот роман. Два года я изучал криминалистику — азы ведения следствия, теорию и практику, судебную психологию, особенно мотивацию поведения серийных убийц. Я прочел, увидел и услышал о таких вещах, которые даже самый ловкий из писателей не рискнул бы ввести ни в одну из своих книг, несмотря на то, что сила его таланта могла бы заведомо смягчить факты. Я занимался делами, которые — прочти я о них в добротном романе — совершенно точно показались бы мне плодом вымысла, и все же... Два года спустя я обнаружил, что мои родители (и вообще все родители мира) лгали (и продолжают лгать) собственным детям: монстры существуют.

Не желая создавать апологию страха, я попытался сочинить роман о реальности.

Но она-то и вселяет настоящий ужас.

*Максим Шаттам.
Эджкомб, 2 апреля 2000*

То, что началось со зла, злом же и продолжается.

*Шекспир, «Макбет»**

* Перевод редактора.

ПРОЛОГ

Окрестности Майами, 1980

Кейт Филлипс открыла дверь автомобиля и выпустила Джоша. Тот держал в руке пластмассовую фигурку Капитана Фьючера, прижимая ее к себе словно бесценное сокровище. Оба тут же окунулись в знойный воздух стоянки. Не приходилось сомневаться: лето будет очень жарким.

— Идем, ангел мой, — произнесла Кейт, поправив солнцезащитные очки на лбу.

Выйдя из машины, Джош принялся разглядывать фасад торгового центра. Ему очень нравилось бывать здесь, для него походы сюда становились синонимом удовольствия, воплощения мечты. Сотни игрушек, всевозможные наборы, представленные на огромном пространстве, — и все это можно трогать, а не просто увидеть по телевизору или в каталоге. Утром, услышав от матери, что она отправляется в торговый центр, Джош приложил все усилия, чтобы она взяла его с собой. И вот сейчас здание возвышалось прямо перед ним, и он чувствовал, как внутри растет возбуждение. Вдруг ему удастся уйти отсюда с игрушкой? С автоцистерной «Мажоретт», которой ему так не хватало, или даже с очередным оружием для Капитана Фьючера! День обещал быть великолепным, просто замечательным. Новая игрушка. Поистине классная мысль! Конечно, нужно было еще уговорить Кейт. Он обернулся к мамочке, собираясь спросить ее, и увидел, что она разглядывает купоны на скидки, заботливо вырезанные из газет и рекламных листовок.

— купишь мне игрушку, мама? — поинтересовался он нежным голосом ребенка, которому почти исполнилось четыре.

— Не начинай, Джош, и поторопись, иначе в следующий раз я не возьму тебя с собой.

Мальчик козырнул ей, как это часто делал его отец, и отправился вслед за матерью через стоянку к зданию.

— Ну и жара! — бросила Кейт, пытаясь обмахиваться ладонью. — Не спи на ходу, дорогой, иначе мы просто растаем на солнце!

Джош, не совсем понявший, что имеет в виду мать, тем не менее прибавил шаг, и они вошли внутрь здания, где находилось множество разных магазинов. Вдоль прохода тянулись стойки с газетами, главной новостью в которых был бойкот американцами Олимпийских игр в Москве. Все только об этом и судачили. Некоторые усматривали в бойкоте начало мирового кризиса, уже мысленно представляя кубинские баллистические ракеты, поднимающиеся над горизонтом. Однако для Кейт это была всего лишь обыкновенная политическая интрига. Обыкновенная возня, как говаривал Стивен, ее муж. «Лучше держаться в стороне от всего этого, — добавлял он, — спокойно жить в своем углу, зарабатывать себе пропитание на станции техобслуживания, в свободное от работы время, на протяжении последних пяти лет сочиняя пьесу и выкуривая несколько косяков "по случаю". Но только не лезть в политику». Кейт поддерживала его. Она поддерживала многое из того, о чем говорил Стивен. Он частенько бывал прав, именно поэтому Кейт в него и влюбилась.

Бросив последний взгляд на газеты и заторопившись вперед, она заставила Джоша перейти почти на бег.

Они прошли мимо многочисленных полок с пляжными принадлежностями, которые свидетельствовали о неминуемом наступлении лета с его толпами отдыхающих.

В просторном холле все время гудели сотни голосов покупателей, сливаясь в единый гул.

Кейт толкала тележку, на которую Джош попытался залезть сбоку, подражая гангстеру из телефильма, вскочившему на подножку старинного автомобиля. Проезжая мимо длинных рядов игрушек, ребенок дергал мать за юбку.

— Мапочка, скажи, я могу посмотреть их, а, могу?

Кейт вздохнула. Поход в магазин всегда был для нее тяжелым испытанием: необходимость бесконечно блуждать между длинными полками, выбирать товар из сотен почти одинаковых... Она вспомнила, что Стивен просил не забыть про лед, и перспектива приготовить на обед барбекю стала бальзамом для ее израненной души. На обед должны прийти Сэллинджеры, Дейтон и Молли,

которую она еще не видела с тех пор, как два года назад они наконец-то вернулись домой. Взбодрившись от этой мысли и представляя себе запах жарящихся гамбургеров, предвкушая удовольствие от встречи с друзьями юности, Кейт пришла в хорошее расположение духа.

Джош снова потянул ее за юбку — он ждал ответа. Мать собралась было упрекнуть его за настойчивость, но тот скорчил гримасу, умоляя ее:

— Ну, пожалуйста, мамочка, я просто посмотрю, я могу остаться здесь...

Взад и вперед мимо них неторопливо двигались тележки: казалось, они стоят в пробке на забитом автомобилями в час пик шоссе.

Джош умоляюще глядел на мать.

«Не выношу, когда он так смотрит», — подумала Кейт.

Не собираясь иметь дело с плачущим и стонущем Джошем, который в любом случае не успокоился бы до самого конца похода по магазинам, Кейт пожала плечами. Ей очень хотелось поскорее вернуться домой, спокойно сесть в маленьком саду, встретиться с друзьями.

«Я могла бы пройтись вдоль прилавков в одиночку и очень быстро завершить всю эту тягомотину с покупками, если оставлю его здесь», — подумала она и сказала:

— Ок, можешь подождать меня тут, но предупреждаю: ты не будешь делать глупостей и трогать игрушки. И я ничего тебе не куплю — это чтобы все сразу расставить по своим местам.

Джош радостно кивнул, не тревожась по поводу последней фразы — она всегда так говорила. Но в итоге он все-таки мог что-нибудь получить, если бы как всегда стал настаивать, дождавшись горящую желанием поскорее убраться отсюда Кейт с набитой тележкой. Джош уже направился к пластиковым фигуркам, когда мать окликнула его:

— Эй, супермен, не хочешь чмокнуть мамочку в щечку?

Чуть улыбнувшись, Джош вернулся и быстро поцеловал мамочку, а затем направился к фигуркам своих героев. Кейт Филлипс, молодая мать, которой едва исполнилось двадцать три, с восторгом смотрела на удаляющегося сына.

Больше она никогда его не видела.

Портленд, Орегон,
наши дни

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Серый волк под горой
Не пускает нас домой.

Детская потешка

На мерцающем экране компьютера, под неторопливое урчание, одно за другим появлялись слова.

Оберон: Вечерние чаты вгоняют в депрессию. Мне одиноко. А тебе?

Сидевшая перед экраном Джульет Лафайетт нахмурилась. Она повернулась посмотреть, как там другой компьютер, в это самое время качавший из Интернета новую программу. На мониторе с автоматической точностью появлялись цепочки данных. Простой стол в форме буквы «Г» — она использовала его как рабочий — был постоянно завален книгами, и на нем вполне хватало места для двух компов. Джульетт возобновила беседу, начатую с Обероном.

Иштар: Я чувствую себя так же, как и в любой другой вечер. Опустошенной.

На экране выделялись черные буквы, образовывавшие ее ник. Иштар. Ей нравилось имя этой богини. Сотни тысяч людей ежедневно пользовались Интернетом, чтобы общаться, ничего не зная о своих собеседниках, и ник был их единственной связью с кем-то по ту сторону экрана. Со всеми другими, которые зависали в Сети.

Ее партнер по одиночеству снова ответил.

Оберон: Понимаю твои чувства. У меня то же самое. Пустота, мрак и пожирающая мир ночная мгла.

Иштар: За что я люблю Интернет, так это за легкость, с которой люди могут изъясняться. Я могу рассказать тебе про свою жизнь, и это мне равным счетом ничего не будет стоить, потому что мы никогда не встретимся. Я не чувствую на себе бремени твоего взгляда.

Оберон: Коротая таким образом наши одинокие вечера, мы в конце концов станем нужны друг другу.

Джульет ласково покачала головой.

Иштар: Только этого не хватало. Кроме того, мы не совсем одиноки. У тебя, как ты мне все время твердишь, есть ночь, а у меня, смею тебе напомнить, мои занятия!

Оберон: Правда, а я и забыл. Ты сегодня была в универе?

Джульет улыбнулась и мгновение размышляла, прежде чем вновь застучала по клавиатуре.

Иштар: Почему ты спрашиваешь? Ты что, один из моих преподав? Следишь за мной?

Джульет выловила остатки китайской лапши, остывавшей в чашке. Опустила пониже галогеновую настольную лампу, отчего комната погрузилась в мягкий полумрак. В ночи залаяла соседская собака.

Оберон: Нет, но я тобой интересуюсь. Ты о себе не слишком-то много рассказываешь. А мне бы хотелось узнать тебя получше.

Джульет внимательно перечитала слова собеседника, а потом сформулировала ответ.

Иштар: Похоже, дорогой Оберон, что с того самого момента, как мы начали обмениваться мыслями, ты подбираешься ко мне. Не так ли?

Она сердито поджала ноги, отчего несколько кусочков лапши упало на ковер.

Оберон: Ровно два месяца. Мы общаемся в Интернете вот уже два месяца, и все, что я о тебе знаю, — это то, что ты девушка двадцати трех лет, любишь историю и мифологию, отсюда это прозвище, Иштар, богини любви и войны, а еще, что ты обожаешь китайскую лапшу, причем мне кажется, что как раз сейчас ты ее ешь.

Джульет перестала жевать. Откуда он мог знать, чем она занята, если, конечно, в этот момент не подглядывал за ней? Она медленно сглотнула и поставила пиалу на стол. Но почти сразу ее сердце стало биться в прежнем спокойном ритме. «Ты — идиотка, бедная моя! — подумала она. — Откуда он может знать, что ты сейчас делаешь? Он знает, что ты ешь, потому что ты почти всегда ешь в одно и то же время! Он все время читал про это и запомнил!»

Оберон: Ну, что?

Пальцы Джульет запорхали по клавиатуре, словно она целыми днями упражнялась, сидя за фортепиано.

Иштар: В яблочко! Видишь, ты уже много знаешь о моих кулинарных пристрастиях... Чего ты можешь еще желать?

Оберон: Хочу узнать, кто ты на самом деле. Кто прячется под ником Иштар.

Иштар: Студентка четвертого курса психфака. Этого достаточно?

Ответ таинственного Оберона появился почти сразу.

Оберон: Хорошее начало. Предлагаю тебе сыграть в небольшую игру. Чем больше ты рассказываешь про себя, тем больше я раскрываюсь тебе в ответ. Что скажешь? Давай откроемся друг другу.

Джульет отодвинула почти пустую пиалу, прошептала:

— Осторожнее, Оберон, по-моему, ты заходишь слишком далеко.

И быстро написала ответ.

Иштар: Очень сомневаюсь, что это возможно. Уже поздно, я пошла. Спокойной ночи, и до скорого, быть может, опять в Сети...

Она встала, с шумом потянулась, и уже собралась было выключить компьютер, когда на экране появились слова.

Оберон: Не отсоединяйся! Не делай этого!

— Сожалею, король эльфов, но я устала.

Она нажала кнопку выключения, и вентилятор, вздохнув в последний раз, замолчал. Вторая машина, закончив установку полной версии программы, требовавшейся для увеличения памяти, тоже была выключена. Девушка прошла мимо шкафа и замерла перед большим зеркалом. Посмотрела на собственное отражение. Высокая и худая. «Может быть, даже слишком, — подумала

она, — мне надо больше заниматься спортом, намного больше». Потрогала свои, все еще упругие, несмотря на долгие часы, проведенные в сидении перед компьютером и за книгами, ягодицы. Потом принялась рассматривать лицо. Пухлые губы, нос, который ее мать называла «вздернутым», длинные волосы, окрашенные в черный цвет — так она делала уже два года, сначала из эстетических соображений, чтобы подчеркнуть синеву глаз, а потом попросту заметив, что ей так больше идет: черные волосы указывают на ее независимый характер с определенным оттенком меланхолии. Заметив высокую девушку с иссиня-черными волосами, большинство молодых людей пытались поймать ее взгляд. Сколько раз она чувствовала, какое влияние ее глубокие синие глаза имеют на мужчин! Наиболее самоуверенные из них — и те впадали в ступор; видеть, как они стоят с разинутыми ртами, было забавно. Но вскоре это начало ее утомлять. По-настоящему приблизиться отваживались немногие — остальные, конечно, думали, что столь необыкновенное создание наверняка не имеет недостатка в любви, а те, кто все же справлялся с неуверенностью, потакали собственному нарциссизму — с соблазном это не имело ничего общего. Поэтому, будучи по природе довольно застенчивой, Джульет проводила вечера в одиночестве, усевшись между двумя системными блоками и экранами, а вовсе не предаваясь романтике, как поступают многие молодые женщины.

По-своему это означало вообще никак не рисковать — и это устраивало Джульет. Те, с кем мы общаемся в Интернете, обычно скрываются за глуповатыми никами, иногда, правда, способными рассказать о человеке довольно многое. Тут можно беседовать с первым встречным, не объясняя ему, кто ты и почему здесь оказался, и как только беседа становится неприятной, достаточно просто отсоединиться и больше уже не читать сообщения, забыть про все. С Обероном, встреченным ею на одном из форумов, Джульет связывало подобие приятельских отношений. Иногда по вечерам они болтали, не зная о собеседнике правду. Интернет представляет собой отличное средство *safe communication* — безопасной коммуникации. Однако совершенно очевидно, что такому способу общения не хватает теплоты.

Соседская собака залаяла сильнее.

— Заткнись, Рузвельт! — крикнула Джульет в распахнутое окно комнаты.

«Что за странная мысль назвать собаку Рузвельтом! Я вот ни секунды не буду ломать голову, выдумывая имя своей собаке, ес-

ли когда-нибудь ее заведу! И вообще, я проведу остаток дней, как старая колдунья, одна в своем логове!» — подумала она.

Этот образ вызвал у нее улыбку.

Девушка отправилась спать.

Свет в ее комнате погас в половине первого ночи.

* * *

Прошло несколько дней. Окруженная сонными однокурсниками, Джульет Лафайетт рассеянно слушала преподавателя, разглядывая мокрый серый пейзаж за окном. По стеклам стучал дождь. Профессор Томпсон читал лекцию так монотонно, что половина студентов уже спала глубоким сном. Мысли Джульет блуждали далеко, по Калифорнии, куда ее родители уехали жить два месяца назад. Тед Лафайетт получил новую должность и перебрался в Сан-Диего, его жена Элис последовала за мужем в солнечные края, сменив работодателя и желая таким образом избавиться от гнета рутины. Джульет выросла в Портленде, ее немногочисленные друзья тоже жили тут, здесь были сосредоточены все ее интересы, потому-то она и не захотела уехать вместе с родителями. В некотором роде оставалась хранительницей семейного очага. Не всегда легко было жить в одиночестве на громадной вилле — но, в общем, она привыкла, превыше всего ценила независимость и порой разрывая отношения с любовниками из-за боязни потерять свободу — правда, их было не так уж и много. Самым сложным для Джульетт было не столько справляться с чувством одиночества — хотя по ночам ей порой и становилось страшновато из-за всяких пустяков, — сколько соблюдать режим дня. Вставать в один и тот же час, следить за домом и главное правильно питаться. Джульет была неспособна баловать себя бессмысленным количеством милых блюд, обычно она ела немного и все подряд — то, что не требовало длительного приготовления.

— Можно выделить три фазы Стокгольмского синдрома...

Голос профессора Томпсона вдруг прозвучал странно, как голос какого-нибудь призрака.

«Мне бы надо немного сосредоточиться, если я не хочу быть отчисленной в начале года», — подумала Джульет, поморгав, чтобы прогнать навязчивые мысли. В коридоре раздались взрывы смеха, Томпсон сердито бросил быстрый взгляд на дверь, а затем продолжил:

— Первая фаза, взятие заложников, характеризуется развитием у них стресса, как правило, сильного. Затем наступает фаза удерживания, во время которой заложников шантажируют: эту фазу можно назвать периодом дегуманизации, заложники становятся товаром для обмена. Однако именно в этот момент происходит идентификация заложника с агрессором, страх смерти понемногу отступает, и заложник начинает симпатизировать преступнику. И, наконец, фаза последствий, характеризующаяся посттравматическим шоком или депрессией.

Джульет была восхищена этой странностью. Как захваченные и удерживаемые против воли люди могли испытывать симпатию к собственным мучителям? Профессор Томпсон рассказал о женщине, влюбившейся в своего похитителя, за которого она в итоге вышла замуж, и Джульет не смогла удержаться от улыбки. «Как в голливудском фильме, — подумала она. — Не хватает только Кевина Костнера в роли злодея, и вот, пожалуйста, готовая кинокартина! Реальность часто превосходит любой художественный вымысел».

Десять минут, оставшиеся до конца лекции, пролетели незаметно.

Джульет вышла на парковку для студентов и скользнула внутрь своего крошечного «Жука». Дождь прекратился буквально несколько минут назад. Джульет направилась на юг, по дороге остановившись возле «Seven-Eleven» купить пива. Был вечер среды, и, как обычно, она собиралась провести его у лучшей подружки. Джульет и Камелия были совершенно не похожи. Джульет — двадцать три года, Камелии — тридцать два. Если Джульет чувствовала себя спокойнее, находясь дома в одиночестве, то Камелии, наоборот, нравилось регулярно куда-нибудь выходить, и когда-то она даже была замужем, целых пять лет. Однако едва подружки начинали разговор на любую тему, как между ними возникало абсолютное взаимопонимание. Каким бы ни был сюжет беседы, у Джульет и Камелии всегда обнаруживались общие темы, и, болтая, они частенько засиживались за полночь.

«Жук» замер перед фасадом дома с облезшей краской.

Камелия открыла дверь. Это была высокая женщина с длинными светлыми, немного вьющимися волосами. При виде подружки ее лицо озарила широкая улыбка.

— Добрый вечер, красотка!

— Салют! Приближается октябрь, а вместе с ним — холода, — ответила Джульет, торопливо входя в прихожую.

— Я сейчас как следует растоплю камин, устраивайся.

Разглядывая загорелую кожу Камелии, Джульет нахмурилась.

— Мне казалось, ты перестала баловаться ультрафиолетом, — произнесла она. — Для твоей кожи это вредно!

— Скажем так — это последний каприз на память об ушедшем лете. Я приготовила салат из желудков — просто вершина французской кухни! Это должно напомнить тебе о твоих корнях.

— М-м-м, из всей моей семьи об этом вспоминает только отец, — улыбнулась Джульет. — Мне кажется, иметь французского дедушку — это своеобразный снобизм. Что-то вроде привилегии, знака принадлежности к королевской крови.

Джульет поставила пиво на кухонный стол. Где-то в глубине дома продолжал показывать новости телевизор.

— Как поживают родители? — поинтересовалась Камелия.

— Звонили вчера вечером, маме там нравится, правда, сложно приспособиться к жару, но в целом нормально. Отец много работает, возвращается домой поздно и часто продолжает работать даже в уик-энды. Самое удивительное, как говорит мне мама, что калифорнийцы все такие, у них совершенно особый менталитет.

— Ты что, никогда не была в Калифорнии? — удивилась Камелия, поставив тарелки на поднос.

— Нет. Знаешь, я и путешествия... Не могу сказать, чтобы я часто выбиралась за пределы Орегона.

Камелия уперлась руками в бока, отставив ногу и чуть наклонившись вбок.

— Тогда купи себе новый купальник, и я отвезу тебя на уик-энд в Лос-Анджелес, там на пляжах полно мускулистых парней.

— В конце сентября?

— Эй, малышка, такова особенность калифорнийского менталитета — настоящий калифорниец выше любых сезонов. Да и вообще, он всегда любит быть сверху, если ты, конечно, понимаешь, что я хочу сказать...

Джульет пропустила мимо ушей это сальное замечание и ответила лаконично:

— Как бы тебе сказать... Пляжи это не мое.

Камелия посмотрела Джульет в глаза.

— Джульет, в какой-то момент тебе все-таки придется влюбиться, таков удел всех смертных, иначе остаток жизни ты проведешь в одиночестве и забвении!